

Михаил

КЛЮЧЕРОВ

Михаил Петрович Ключеров родился на Орловщине в 1939 году, он из поколения детей войны. Почти два года, до 12 августа 1943-го, семья находилась на территории, оккупированной немцами. Детская память сохранила следы страшных разрушений: от его родного села Балдыж после Орловско-Курской битвы не осталось и половины, а некоторые окрестные села вообще были стерты с лица земли. Наверное, это и определит со временем сферу деятельности М.П.Ключерова.

По профессии он журналист, окончил двухгодичный Всесоюзный лекторий журналистики и фоторепортажа в Москве, потом была учеба в КазГУ, в аспирантуре. Журналистике Михаил Петрович посвятил более полувека, из них почти 40 проработал в районной газете «Ишим» Северо-Казахстанской области, 12 лет был её редактором. С 1964 года активно занимается краеведением. Собранные материалы легли в основу открытого им в декабре 1972 года районного историко-краеведческого музея, 17 лет Ключеров был его руководителем на общественных началах. Потом музей стал народным, а в 1990 году приобрел статус государственного. В 1989 году неутомимый Михаил Петрович открыл первую в области сельскую картинную галерею, в которую вошло около 300 художественных полотен и репродукций, собранных в семи бывших союзных республиках. Причастен есильский подвижник и к реставрации и возвращению православных храмов и строительству новых. Его труд во благо родного района отмечен званием «Почетный гражданин Есильского района» и нагрудным знаком «Деятель культуры Республики Казахстан».

Есильский район – родина шести Героев Советского Союза. Краеведческая работа М.П.Ключерова способствовала установке гранитных бюстов-памятников троим из них – Т.С.Позолотину, Г.З.Закирову и П.В.Коваленко, а также юному партизанскому разведчику Феде Токареву.

За последние 15 лет Михаил Петрович выпустил 23 разножанровые книги, многие из них посвящены истории края и землякам, отличившимся в годы Великой Отечественной войны как на фронтах, так и в тылу. Он поднимает темы, которые мало освещались, к примеру, письма фронтовые, партизанские листовки и т.п. В последние два года вышли книги «Юность, опаленная войной в Афганистане» и «Безвинно пострадавшие», повествующая о есильцах – жертвах массовых политических репрессий. Сегодня мы предлагаем читателям «Простора» страницы из книги М.П.Ключерова «Письма фронтовые».

СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА

Письма с фронта. Нередко их писали по-походному: торопливо, предельно кратко. Писали чернилами и огрызком карандаша: иногда размашисто (по десять-пятнадцать слов на странице), иногда экономя каждый сантиметр свободного места – так много хотелось сказать! Писали на чем придется: на тетрадных листах пронумерованных бухгалтерских счетах и учетных ведомостях, на плакатных обрывках и брошюрных обложках, на оборотной стороне трофейных географических карт и оберточной бумаге...

Сила этих человеческих документов в том, что на них лежит печать тех далеких суровых лет. Каждая строчка передает настроение, думы и чаяния защитников Родины, мужественных воинов, любящих отцов, мужей, сыновей, братьев... Отличительной чертой солдатских писем является их искренность. «Научившийся смотреть смерти в глаза, – писал в своих мемуарах дважды Герой Советского Союза генерал армии П.И.Багов, – не лжет, и потому каждая строчка фронтового треугольника – искренняя. Нам и нашим потомкам эти строки, нередко оборванные пулей, многое открывают в психологии старших поколений».

На некоторых письмах неплохо сохранились почтовые штампы и треугольный штамп «Красноармейское письмо бесплатно». Благодаря этому и сегодня можно определить дату отправки письма. Оно посылалось частенько прямо с передовой. В такие минуты много не напишешь. В такие минуты едва успевали сообщить, что «жив-здоров, не беспокойтесь, а мне сейчас некогда, мы пошли...».

Мысль явно незакончена. Но куда они пошли – догадаться нетрудно. Они пошли в атаку! Одни пошли и не вернулись. Другие продвинулись дальше от дома, ближе к победе. От тех писем уже не будет, эти ещё напишут. «Письма – это крепкая нить, неразрывно связывающая фронт и тыл», – отмечал начальник одного из фронтовых почтовых отделений. Да, письма шли с фронта и на фронт, их ждали на передовой и в глубоком тылу. Они были единственной возможностью общения с родными и близкими в те огненные годы. Понимая это, военные почтальоны нередко пробирались к адресатам под огнем противника, не зная точных координат расположения частей и их подразделений. Рискуя своей жизнью, они спешили доставить бойцам весточку из дома, которая согревала их душу, поднимала боевой настрой.

Теперь эти письма стали историей. В них слышен голос народного гнева, видна моральная сила армии, отражен дух того времени. Перечитывая эти редкие документы, проникаешься чувством гордости за наших земляков, отважно сражавшихся с коварным врагом. Ведь за каждым таким документом – конкретная судьба конкретного человека в перипетиях одного из главных событий прошлого века – Великой Отечественной войны и нашей Победы в ней.

Кто-то может сказать: «Зачем беречь старые раны, зачем вспоминать о тех страшных, полных ужасов и крови днях сейчас, в мирное время?» На этот вопрос известный писатель Сергей Сергеевич Смирнов, автор первой книги о защитниках Брестской крепости, ответил так: «Но имеем ли мы право забывать, что стоили нам мир и свобода? Разве не было бы такое забвение предательством перед памятью павших героев, перед горем безутешных матерей, одиноких вдов, осиротевших детей?»

Да, тяжело беречь старые раны. Но лучше ещё раз оплакать, чем забыть, какой ценой нам досталась свобода. За неё платили своей кровью герои известные и безымянные. Об одних уже написано, о других не сказано ещё ни слова. И не потому, что в них мало героического (отдать жизнь за Родину – уже великий подвиг), а потому, что нам о них почти ничего неизвестно.

Только не было безымянных героев. Были отцы семейств и молодые ребята, кормильцы стариков и женихи юных невест. И вот их не стало. Сохранились лишь похоронные извещения да редкие письма. Они, фронтовые письма, с неотразимой силой позволяют постичь самое главное в Великой Отечественной – силу народного духа, силу нашего оружия, которые в совокупности своей сотворили Великую Победу 1945 года!

ОТЕЧЕСТВО В ОБИДУ НЕ ДАДИМ

Для матерей и жен, потерявших на войне своих сыновей и мужей, письма с фронта были единственным утешением, они берегли их как зеницу ока. Долгие годы свято хранила весточки от сына Елизавета Васильевна Кочева. Он был у неё единственный. В декабре 1941 года Василий учился в десятом классе, мечтал о светлом будущем, любил девушку, а в августе 1942 года, на двадцатом году жизни, боец 565 сп 161 сд В.Ф.Кочев умер от ран, полученных на поле боя. Но сохранились его тринадцать писем. Все они были написаны в том роковом году.

25.01.1942 г. Здравствуй, мама! С приветом к вам сын Вася. Мама, бабушка Калинин не раз говорил дома, что я ещё мальчишка. Так вот, теперь я воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, будущий командир. Притом советский командир, преданный своей Родине. Через несколько месяцев буду лейтенантом.

Сегодня принял присягу. Прошел всего месяц, а меня совсем не узнать. Недавно я сфотографировался, карточку вышло. Письмо ваше получил и очень благодарю за материнскую заботу.

1.03.1942 г. Сегодня получил ваше письмо, мама. Мне учиться шесть месяцев. Учусь хорошо, обо мне не тревожьтесь. Очень прошу заботиться о себе, не отказывайте себе ни в питании, ни в одежде. У нас уже весна начинается.

8.03.1942 г. У нас, мама, передовиков учебы учат отдельно. В их число и я попал. После выпуска будем либо воевать, либо обучать новый набор курсантов. Кроме писем мне пока ничего не посылайте. А письма пишите почаще.

24.03.1942 г. Привет всем, всем. У нас тает снег, но ещё холодно. Учусь хорошо, дополнительно изучаю минометное дело. Так что, чего желал, того добился.

Денег мне не надо, что я буду с ними делать? Лучше сдобных кренделей пришлите.

25.05.1942 г. Сегодня утром, мама, приехали в Мичуринск. Асташев вместе со мной. При желании я мог бы пойти в конную разведку, но решил остаться минометчиком.

7.06.1942 г. Пишу из села Заворонежское. Со мной ребята, уже побывавшие в боях. Скоро и я пойду защищать Родину.

12.06.1942 г. Здравствуйте, мама! Я жив-здоров. Наша часть находится в двух километрах от города Мичуринска. Звание ещё не присвоили, я сейчас командир минометного расчета. Через несколько недель поедем на фронт защищать любимую Родину и своих родителей от опасности. Живите счастливо и знайте, что таких сыновей у наших матерей много, что своё Отечество мы в обиду не дадим. Домой приедем с полной победой над врагом.

13.07.1942 г. Привет от вашего сына Василия Федотовича. Я жив-здоров. Со вчерашнего дня вступили в бой. Сегодня наступаем второй раз. Немец отходит. Писать нет времени. Мы пошли...

24.07.1942 г. Мама, я жив-здоров. Мы сейчас в отбитом у немцев селе Подгорном. Бои ведем очень жестокие. О них пишут газеты. В бою убит командир нашего взвода. Но обо мне не беспокойтесь. Передайте всем родным и знакомым мой привет.

7.10.1942 г. Уважаемая Елизавета Васильевна! В своем письме ко мне вы просите рассказать подробно о смерти вашего сына. В письме его любимой девушке я писал, что 15 августа 1942 года в восемь часов утра в жарком бою с фашистами Василий Федотович Кочев пал смертью храбрых. Он был тяжело ранен и сразу же отправлен в полевой госпиталь. Я был в этом бою, но после ранения вашего сына мне не пришлось с ним разговаривать. А когда прибыл в госпиталь, то он уже умер и похоронен в лесу у дер. Поляна Воронежской области.

Ваш сын был примерным бойцом-минометчиком, смелым и отважным в бою, за Родину не жалел своей жизни и погиб как герой.

Велика утрата, дорогая мамаша. Мы жестоко отомстим за смерть вашего сына, за нашу Родину, над которой издеваются немецкие бандиты. С приветом (командир).

ПОГИБ СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХ

Мите Нетесову было семнадцать, когда он ушел на фронт (24 января 1944 года) и шел восемнадцатый, когда погиб – 3 августа того же года.

Мария Михайловна, мать Мити, потерявшая сначала мужа, потом старшего сына, а теперь вот и младшенького, от нервного потрясения стала быстро терять зрение. Но пока могла, то десятки раз перечитывала его письма, ставшие её единственным утешением. Дочь видела, какое страдание причиняют они убитой горем матери, сколько горячих слез пролила она над ними. И однажды, отчаявшись, сестра сожгла письма брата. И только случайно сохранилось единственное письмо от него, которое позволяет сказать, что

Счастлив он тем, что прочтут его имя

Средь выцветших строк боевого письма.

Вот это письмо.

18.07.1944 г. Добрый день, мама. Посылаю свой сыновний привет и горячий поцелуй вам, а дорогой сестричке Шура – братский привет.

Во первых строках моего письма хочу сообщить о своем здоровье. Оно пока ничего. Во-вторых сообщаю, что получил от вас заказное письмо, а в нем мамину фотографию, а также чернильный порошок и перо. Сердечно благодарю за всё это.

Шура, пришли и ты мне свою фотокарточку с мамой вместе.

Письмо получил вчера вечером, а сегодня пишу ответ. Передавайте привет моим дружкам Валентину и Лорику Корчагиным. Писать больше нечего. До свидания. Остаюсь жив и здоров. Жду ответ.

Сейчас нахожусь на фронте. Гоним немца на запад.

А через два месяца пришло другое письмо. Гвардии младший лейтенант М.Яковлев писал Марии Михайловне:

«Шлю Вам пламенный боевой привет и желаю наилучшего в Вашей жизни и работе на благо Родины. Сообщаю, что Нетесов Дмитрий Михайлович в боях за освобождение Прибалтики погиб смертью храбрых. Для Вас это тяжелая утрата. И мы здесь, бойцы и командиры, с болью переносим потери наших товарищей. Но за них враг потеряет в тысячу раз больше своих фрицев, навеки запомнит силу русского оружия. До свидания, дорогая мамаша, будьте здоровы».

От автора. В 1986 году я беседовал с Марией Михайловной. К тому времени она окончательно потеряла зрение, но Митя в её памяти оставался всегда зримым.

– Знаете, – говорила она, – совсем ребенком был. Первый раз призвали и вернули – ростиком не вышел. Учиться любил и работать не ленился. Мастер был на все руки: и кострюлю соседям починит, и ведро запаяет, и замок подладит, и ключ новый сделает, и сепаратор переберет. А дружил он с Лориком Корчагиным. Вместе рыбачили, вместе шалили иногда. Ребенок всё-таки был.

Для родной матери он навсегда остался ребенком. Другая мать – Родина – запомнила его стойким и мужественным защитником.

БЕССТРАШНЫЙ КАПИТАН

40 лет назад с такой же нежностью рассказывала мне о своем сыне Михаиле Елена Павловна Донова, мать шестерых детей. Её память отчетливо сохранила, как в весеннее половодье сын со своим дружкой оказался на островке, окруженном водой, которая всё прибывала и прибывала. Мальчишки решили отсидеться на высокой березе. К счастью, какой-то «дед Мазай» из рыбаков спас их, словно тех зайчат.

Помнила мать, как провожала сына в Красную Армию, каким веселым он был тогда, как лихо, с удалью плясал, как всё село вышло проводить в дорогу Мишу Донова.

Помнила Елена Павловна и другое. Когда грянула война, сын, ставший кадровым военным, в каждом письме заверял, что до конца будет предан Родине, ради её свободы не пожалеет своей жизни, верил в скорую победу и надеялся при встрече крепко обнять отца и мать.

Но этому не суждено было сбыться. Помощник начальника штаба 37-го гвардейского минометного полка капитан Донов Михаил Константинович 5 июля 1943 года героически погиб под Орлом. О том, как это произошло, подробно рассказали в письме, присланном матери, фронтовые товарищи её сына, на глазах которых он прожил свои последние минуты.

«Письмо это продиктовано сочувствием Вашему горю, – писали Елене Павловне командиры её сына, – вызванному гибелью замечательного товарища, героя-офицера Михаила Донов. Бывая вместе с ним, казалось, что нет границ той энергии, жизнерадостности, искреннего веселья, которое проявлял он постоянно: будь то минуты отдыха или тяжелые часы боя. Его воспитанники – бесстрашные разведчики части всегда с восхищением отзывались о своем командире, умелом офицере, способном в минуты самого крайнего напряжения боя сохранить юмор, молодой задор жизни. Что касается врагов-фашистов, то Михаил ненавидел их всеми фибрами своей души.

Ещё ранее раненный, он не раз клялся, что враги заплатят за каждую каплю его крови своей черной змеиной кровью. Свобода Родины, счастье народа были для него самой высшей и благодарнейшей целью, ради которой он не считался ни с чем, готовый отдать всё для выполнения этого священного долга.

Ночь с 4 на 5 июля. Михаил собрался на наблюдательный пункт. Тепло проводжали его товарищи в опасный и трудный путь. Все были глубоко убеждены в его смелости, преданности общему делу. Каждый был уверен, что советский офицер-гвардеец с честью оправдает возложенную на него задачу. Не раз Михаил бывал в опасных боях и всегда выходил из них, успешно сделав порученное дело.

С рассветом 5 июля враг начал ураганную артподготовку. Казалось, все громы и молнии обрушились на землю. Сотни снарядов рассекали воздух. В этот опаснейший час Михаил – верный сын партии и народа, – рискуя жизнью, бесстрашно стоял на своем посту. В телефоне ежеминутно звучал уверенный, спокойный голос, подающий команды для стрельбы «Катюш», мощный «голос» которых приводил в трепет немцев-душегубов, сеял среди них смерть и ужас. Многие десятки врагов пали от снарядов, точно направленных рукой Михаила.

В 12 часов Михаилу по приказу командования нужно было организовать новый наблюдательный пункт. Вот в этот момент и проявилось во всем блеске его неустрашимое мужество, храбрость. Кругом свистели пули, стоял грохот разрывов мин и снарядов. Бесконечная преданность Родине, народу, партии, жгучая ненависть к немецко-фашистским варварам воодушевляли Михаила на самоотверженное дело. Наблюдательный пункт был выбран им очень удачно, и Михаил продолжил давать ценные сведения о противнике, умело руководил огнем «Катюш».

Советский офицер не покинул своего поста. Но вражеский снаряд оборвал молодую, замечательную жизнь (на 24-м году – авт.). Он погиб как герой, защищая свою Отчизну. За подвиг и отвагу, за героизм, проявленный в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Ваш сын посмертно награжден командованием полка высокой правительственной наградой – орденом Отечественной войны I степени. Прославленные гвардейцы заверяют Вас, что в грядущих боях отомстят за смерть Вашего сына. Народ наш вечно будет чтить в сердцах память героев, павших смертью храбрых в борьбе с фашистскими варварами.

Командир части гвардии полковник Острейко.
Начальник политотдела гвардии майор Пальтов.
10 сентября 1943 года».

ТАК ПРИКАЗАЛА РОДИНА

А это четыре письма ещё одного защитника Отечества – Аверина Петра Семеновича. Он был командиром танковой роты 2-го танкового батальона 7-й танковой бригады и 27 февраля 1942 года погиб в неравном бою.

22.07.1941 г. Здравствуйте, папа, мама, Ема, Лёня! С приветом к вам Петр. Я жив. Обо мне не беспокойтесь... Когда жил дома, то думал побывать на Украине и вот теперь прошёл её всю пешком. Но лучше бы такие мечты не сбывались...

26.07.1941 г. Здравствуйте, дорогие родные! С приветом к вам Петр. Я жив, честно служу советскому народу и даю слово до последней капли крови уничтожать фашистских гадов, которые пытаются поработить наш народ.

Прошу вас помогать Красной Армии в уничтожении фашизма и ненавидеть его так, как ненавижу его я и весь наш многострадальный народ. Трудитесь честно на благо Родины.

07.10.1941 г. Действующая армия. Здравствуйте, папа, мама, братишки Ема и Лёня! Сообщаю вам, что в настоящее время я жив-здоров, чего и вам желаю. Передаю папе привет, но он, наверное, тоже воюет и его давно нет дома. Но я этого не знаю...

Из земляков за все это время никого не видел. Скучаю по Явленке. Жизнь моя протекает хорошо. Бьем фашистов так, как это нужно защитникам своего Отечества – беспощадно.

31.12.1941 г. Здравствуйте, родные! С приветом Петр Аверин. Во-первых, поздравляю вас с Новым годом! Желаю самых лучших успехов в этом году. Я встречаю его на отдыхе, после чего опять пойду громить фашистских варваров с удвоенной силой. Пусть знают эти псы, что мы беспощадны к тем, кто нам угрожает и старается исковеркать нашу счастливую и радостную жизнь. Фашистские головорезы пытаются испортить наше мирное строительство, но они за это заплатят очень дорого. Я уже испытал все фокусы фашистов и теперь знаю, как лучше уничтожать эту гадину. Во всех прошедших боях гитлеровцы получили жестокий отпор от меня и моей роты. Не раз эти вояки бросали свои орудия и снаряжение, убегали от наших танков. Но славные танкисты моей роты догоняли их и давили советской броней.

Теперь, находясь на отдыхе, я изучаю свои ошибки, чтобы избежать их в предстоящих сражениях.

В боях с фашистской гадinou я был ранен, но отказался идти в госпиталь и продолжал громить эту пародию на человечество. За все мои действия я представлен к награде.

Военное дело я полюбил в школе. Теперь, окончив училище, претворяю свои мечты в жизнь. Я уже не раз ходил в атаку как на танках, так и в пешем строю.

Много раз ходил в разведку, побывал в тылу у фашистских извергов, видел все их злодеяния. Уверяю, что проклятые людоеды не уйдут от меня без жестокой мести. Каждый, кто прорвался на нашу территорию в качестве оккупантов, будет уничтожен. Так приказала Родина...

* * *

«Семену Феоктистовичу. Дорогие родители Петра Семеновича Аверина! Ваш сын среди личного состава был одним из самых дисциплинированных и грамотных командиров. В боях с немецкими фашистами он проявлял мужество и отвагу, за что был представлен к правительственной награде. 27 февраля 1942 года мы ходили с ним пять раз в разведку, уничтожили много фашистов и техники. Пятая атака была для меня самая тяжелая – в ней был убит дорогой Петр Семенович. Он погиб за Родину, как подобает герою... Похоронен ваш сын в районе с. Григорьевки Харьковской области.

Командир 2-й танковой роты политрук Н.Калинин».

Я НА ПЕРЕДОВОЙ, БЬЮ ФАШИСТОВ

Уважаемый Михаил Петрович! Я узнал, что вас интересуют письма солдат Великой Отечественной войны. Высылаю вам несколько редчайших документов погибшего земляка – Косенко Павла Петровича. Он был участником Орловско-Курской битвы. На фронт ушел в августе 1942 года. Тогда ему было 18 лет. Погиб в июне 1944-го, 20 лет отроду. А.Рубан.

20.02.1943 г. Из далекого Чарджоу от вашего сына Павла. Дорогие родители! Получил все ваши письма. Очень соскучился, охота посмотреть на вас. Вы пишете, что живете хорошо. Это радует меня, хотя знаю, что не так уж и хорошо. Да что делать – такое сейчас время...

Седьмого февраля проводил ребят на фронт. Меня и других оставили доучиваться. Но 18 февраля обмундировали и нас, а сегодня должны выехать на фронт. Обо мне не волнуйтесь. Домой вернусь обязательно. Следующие письма ждите с дороги.

17.03.1943 г. Здравствуйте, папа, мама, сестренки, братишки! Из Чарджоу выехали 5 марта. За двенадцать дней доехали до Аральского моря. Здесь много рыбы. Килограмм стоит 30-50 рублей, литр молока – 40 рублей. Нас кормят, как на курорте. Мы обуты, одеты. После операции быстро иду на поправку. Вот пришлю фото, убедитесь сами.

9.05.1943 г. Здравствуйте, дорогие, незабываемые родители! Сейчас я от вас далеко, но вы не беспокойтесь. С дороги послал вам много писем. Сейчас прибыли на место. С нашего района со мной попали ещё трое. Чем будем заниматься в части – догадаться нетрудно. До свидания. Ваш сын Павел.

27.06.1943 г. Все эти дни изучаем новое оружие и технику для быстрого разгрома фашистов. Дорогие родители, я знаю, что вам трудно живется, но та-

кого, что сделали гитлеровцы здесь и что перенесли от них мирные жители, вы и представить не можете. Эти изверги пожгли все избы, перерезали весь скот, увезли всё крестьянское добро...

21.08.1943 г. Папа, мама, братишки и сестренки! Я жив и невредим. Прошу извинить меня, что долго не писал вам писем. Не хочу сказать, что времени не было... Я писал вам, как мы освобождали белорусские деревни и как нас встречает население. Это письмо пишу в окопе под свист пуль и взрывы снарядов и мин. Но это дело для нас уже привычное. Только обо мне не беспокойтесь. Живите хоть вы в безопасности. Целую, ваш Павел.

28.08.1943 г. Здравствуй, братишка! Ты хочешь знать о моей жизни? Я уже не раз писал и об успехах, и о переживаниях. В письме всего не опишешь. Вот приеду домой, тогда расскажу всё подробно и тебе станет всё ясно... Честно признаться, надоел мне этот «концерт»: вой мин, свист пуль, содрогание земли. Но всё идет к концу. Просьба у меня к тебе большая – пиши письма почаще.

24.10.1943 г. Сейчас нахожусь на передовой. Уничтожаем фрицев, очищаем родную землю от немецкой нечисти. Скоро вся наша земля будет свободной. Недалеко и до полной победы. Тогда, возможно, мы и встретимся...

Трудновато сейчас, далеко я от вас, да и письма почему-то редко приходят. В последнем письме Шура и Маруся писали, что живете хорошо. Порадует и вас мое сообщение – меня представили к правительственной награде.

19.12.1943 г. Дорогие родные и близкие! Новостей особых нет. О всех изменениях на фронте известно из газет. Делюсь своей радостью – я принят кандидатом в партию большевиков. О награждении меня орденом Красной Звезды вам уже известно.

8.02.1944 г. Фронтowej привет любимому брату Саше! Получил от тебя письма, узнал много новостей. Среди них была и печальная – умерла бабуся... Сейчас мы на коротком отдыхе. Потом снова в бой.

1.03.1944 г. Папа, мама, братишки и сестренки! Письмо ваше получил. Из него узнал много новостей, а самое главное – благодарю вас за ваш совет и наказ. Вы спрашиваете, за что меня наградили? Папа! Красную Звезду я получил за отражение вражеской контратаки. Мы наступали, немец бежал, но потом вздумал остановиться и пустил на нас большое количество танков и пехоты. Мы окопались. Теперь представьте, какие нужны были нервы и сила воли, чтоб всё это выдержать и снова перейти в атаку. Здорово пришлось поработать нам. Теперь всё позади. А что ждет впереди – увидим.

20.03.1944 г. Здравствуйте, родные и близкие! Сердечно благодарю за письмо, из которого узнал о вашей жизни и вашем здоровье. Эта весточка меня радовала. Я доволен, что хоть вы живете хорошо. Обо мне не тревожьтесь. Пока тихо и спокойно, то и о жизни думаешь, а когда грянет канонада, то ни с чем не считаешься.

Здесь уже началась весна, бывают прекрасные весенние денечки. Болота становятся топкими – это оживает белорусская природа.

Папа, выслал вам деньги и выписку из приказа о моем награждении. И ещё раз прошу, не беспокойтесь обо мне. Домой ожидайте с победой.

ВЕЧНО БУДЕТ ПАМЯТЬ В НАС ЖИВА...

Из фронтового дневника лейтенанта Матюшенко

Зачем солдату нужен был дневник? (Кстати, о нем стало известно мне лишь в 2007 году, через восемнадцать лет после смерти Д.И.Матюшенко, с которым встречался и беседовал при жизни десятки раз.) Ответ на этот вопрос я нахожу в стихотворении самого Дмитрия Ивановича:

Война. Мне не найти страшнее слова –
Она меня разбила и спасла.
А чтобы ей не повториться снова,
Пусть вечно будет в памяти жива.

1942 год

4 сентября. Андреаполь, Торопец, Велиж. Поздно вечером нас, девятерых человек, привезли в батарею 120-мм минометов. Лес, темная ночь, костров нет, курить нельзя, все голодные. Прежде чем расположиться на отдых, пришлось спешно отрыть для себя укрытия. Где-то в воздухе гудит самолет. И вдруг вблизи разрывы бомб. От страха пересохло во рту. Я полез под ветки какого-то дерева. Таким вот получилось мое первое боевое крещение. А случилось это на Калининском фронте.

22 октября. Идет дождь. Быстро темнеет. За село Дроздово провели разведку боем. У нас мало снарядов и мин. Рота остановлена у самого селения. Я был связным комбата при командире роты.

15 декабря. Меня срочно вызвали в штаб полка, а потом дивизии и фронта. Двенадцать человек, в том числе меня, послали учиться в Смоленское артиллерийское училище, перемещенное в уральский г. Ирбит.

1943 год

15 января. Занятия проходят плотно. Холода не отступают. Получил письмо от Вари (жены – авт.). 28 декабря у меня родилась дочь, нарекли Марусей. Спасибо тебе, Варя! Очень рад, что я теперь отец, а это значит, что в предстоящих боях буду защищать и мою малышку. Поделился в письме радостью с родителями.

24 августа. Учеба подходит к концу. Муштра нагоняет неуемный аппетит. Кормят хорошо, по съел бы в три раза больше. Хочется увидеться с Варей, но куда ей с ребенком?

25 октября. Вот и финиш: сдан экзамен. Я – младший лейтенант, артиллерист. Одет в новую офицерскую форму, от которой на душе стало светло. Ждем отправки на фронт. Вся военная работа впереди.

6 ноября. Сегодня день моего рождения. Мне – 26! Поезд остановился на одной из московских станций. На открытой эстраде, у вокзала, слушали концерт.

Видел знаменитую Русланову: маленькая ростом, а поет, как весенний разлив Волги. Москва готовится к празднику. Наш поезд пошел дальше. Я отпускаю усы до окончания войны.

20 ноября. От штаба фронта идем группой по выжженной земле. От сёл остались печи да трубы. Люди встречаются редко, живут в землянках. А вот город Демидов. Построен он в основном из дерева, но уцелел, не сожжен. Ночевали в доме, где живет одинокая старушка, её сыновья на фронте. Дом рядом с церковью. Сегодня воскресенье, в храме идет служба. Для интереса пошли посмотреть и послушать. Стояли молча минут десять. Чистота и тишина, не то что в обычном нардоме. Поют тихо и плавно, я бы сказал – проникновенно.

4 декабря. Меня послали в 891-й арtpолк командиром взвода связи. Изучать и знакомиться с обстановкой нет времени. Скоро предстоит большой бой за город Витебск. Идет подготовка к нему. Мы на территории совхоза «Вымно». Написал письма родителям и Варе.

20 декабря. Рано утром началась артподготовка. Через сорок минут пошла пехота. Противник огрызается. Телефонная связь рвется часто, а линейных связистов не хватает, приходится самому бегать на ликвидацию порывов. Связисту любой обстрел или бомбежка нипочем, потому как он обязан обеспечить непрерывную связь в любой ситуации. Без неё вести бой невозможно, поэтому связисты часто выходят из строя.

24 декабря. Бой продолжается четвертые сутки. До Витебска осталось около одиннадцати километров. Деревня Машуткино у самого шоссе. Немецких самолетов и танков – пруд пруди. Противник часто бросает своих солдат с танками в контратаки. Наша пехота с танкистами продвигается, но медленно.

Перед входом в блиндаж связистов, почти у моих ног, взрывается вражеская мина. Я падаю. Прихожу в память, в ушах и в голове стоит сплошной шум, в ногах боль, да такая, что шевелить ими не могу. Сестра разрезает на мне новые синие галифе, забинтовывает мои конечности, потом нас двоих кладут на сено в одноконные сани, накрывают нашими полушубками и отправляют за двенадцать километров в медсанбат. Полевой сумки с письмами и документами нет.

28 декабря. Медсанбат. Огромные длинные палатки переполнены ранеными. Кричат оперируемые, хирурги работают без отдыха. Подошла моя очередь. Раздели, побрили, дали наркоз, после чего в восьми местах рассекли ноги, обработали раны и наложили шины.

Жив! Отправили в Смоленск. Эвакогоспиталь размещен в здании артучилища, которое я закончил в Ирбите. Обработали ноги и приготовили к отправке в далекий тыл. На две сдвинутые койки кладут по четыре человека. Мерзнут ноги. Тяну на себя одеяло, а сосед с обидой: «Боже, вы же меня раздеваете, сорочку стягиваете». Вот так сосед! Им оказалась женщина.

1944 год

12 мая. Хожу без костылей, с тросточкой. Значит, близок срок прощания с госпиталем. Но есть приказ: всех годных к службе в армии оставлять в Забайкальском военном округе. Я же прошу «батю» направить меня на фронт...

8 июня. Просьба удовлетворена. Восемь офицеров-фронтовиков направлены в распоряжение 1-го Прибалтийского фронта. Рад, что едем через ст. Петропавловск. Скоро увижу жену и дочь. Из Иркутска и Красноярска я дал Варе телеграммы.

чтобы она встретила меня в Петропавловске. Но её не взяли с собой, оставили в селе...

20 июня. По прибытии получил направление – командиром взвода управления 76-мм пушек батареи 68-го гвардейского стрелкового полка 23-й гвардейской стрелковой дивизии (Рижское направление). Командир батареи лейтенант Червяков принял меня отчужденно.

19 июля. Червяков эгоист и бесчеловечен: прибывшую санинструктором молоденькую девушку забрал к себе в землянку личным поваром. Видел, как она плакала...

12 августа. Продвигаемся с боями медленно, несем потери. В батарее разбило пушку и убило два человека из расчета. Контратаки фрицев частые, но безуспешные. Наш полк был окружен, однако с помощью 66-й воинской части вырвался из кольца. Горячий бой разгорелся за маслозавод. Расчет Зворыкина подбил немецкую самоходку.

22 августа. На опушке леса была обстреляна наша батарея, подбита одна пушка и убито два бойца. Ответили прямой наводкой двух орудий и утихомирили фрицев...

1 сентября. Направление держим на Ригу. Здесь вместо сёл – хутора. И за каждый приходится вести бой. Население сидит в подвалах и погребах, не вывляя своего присутствия.

14 сентября. Шел горячий бой. Мы галопом въехали в хутор. Был жаркий день. Во второй половине его первый взвод пушек на рысях вошел в хутор, за садом которого ещё стояли две фрицевских самоходки, нами не замеченные. Одно наше орудие было разбито, погибли две лошади. Мы тоже не остались в долгу – подожгли вражескую самоходку.

Батарея соседнего полка завозила и складывала в ряд за стеной конюшни ящики со снарядами. В штабель попала зажигательная пуля крупнокалиберного пулемета противника. Ящики загорелись. Я бросился с лопатой к загоревшему штабелю, чтобы забросать огонь землей, но он взорвался, волной меня отбросило за угол стены, благодаря чему я был спасен.

29 сентября. Чем ближе к Риге, тем упорнее бои. Два дня были на пополнении. Написал письма. Снова пошли вперед. В наступательном бою по незнанию комбатом расположения рот я по его команде на рысях ввел батарею в лесок, что располагался в километре от хутора, а в нем еще находились немцы, которые заметили нас, открыли огонь, правда, почти бесприцельный. Мы быстро развернулись, приняли круговую оборону и начали поливать пехоту неприятеля огнем из двух пулеметов, а потом и из двух пушек. Так продолжалось до сумерек, до подхода нашей пехоты. Комбат послал своего связного к нам, чтобы исправить свою ошибку, но боец был сражен из крупнокалиберного пулемета противника.

10 октября. На исходе дня на наш участок прибыли командир полка, его заместитель по артиллерии, адъютант, их связные и девушка-санинструктор. В землянку командира батальона был вызван командир штрафной роты для получения задания в разведке боем. Тот доложил, что рота во время речной переправы понесла невосполнимые потери. Полковник пришел в ярость и приказал адъютанту вызвать командира-артиллериста, допустившего стрельбу пушек неприятеля. Ближе других оказался я, и он, не разобравшись, вызвал меня к комполка. Как командир взвода управления я хотел доложить полковнику, но он

резко оборвал меня и, не разрешая говорить, сказал, что за штрафную роту сейчас меня расстреляет. Приказал адъютанту отмерить от меня двадцать шагов. Майор Турецкий – заместитель по артиллерии – был осведомлен о происшедшем и хотел пояснить, что вызван не тот офицер, но полковник оборвал и его. Отбежал на намеченный рубеж, выхватил из кобуры пистолет, снял его с предохранителя и вытянул в мою сторону руку для выстрела. Тогда майор рывком перекрыл своим корпусом смертельный путь и громко повторил, что это офицер 76-мм пушек, а виновен командир батареи 45-миллиметровых. Полковник со злости дал выстрел в ближайшее дерево, матерно выругавшись при этом. А я стоял окаменелый, в полном безразличии ко всему, не осознавая ни цены человеческой жизни, ни цены власти. А когда пришел в себя, стало обидно, что за пятнадцать-двадцать шагов от меня сидит на ровике молоденькая красивая девушка и, как мне показалось, играючи болтает ножками.

Полковник приказал адъютанту разыскать виновного офицера, а на меня зло показал пальцем и распорядился вычеркнуть мою фамилию из списка на представление к очередной награде. Так волею судьбы я остался жив, а орден Красного Знамени «потерял» меня. Командир 45-мм пушек был разжалован и отправлен на пополнение штрафной роты, а комбат, отвечавший за этот маленький участок фронта, остался без наказания.

От автора. Орден Красного Знамени все-таки нашел своего героя, но после его смерти, в начале 90-х годов прошлого столетия.

Дмитрий Иванович с боями дошел до Берлина и участвовал в его штурме.

НАМ ОСТАЕТСЯ ТОЛЬКО МСТИТЬ

(из письма десантника Михаила Маликова)

Привет, братец Федя! Пишет тебе твой брат Миша. Довожу до сведения, что письмо ваше получил. Из него узнал подтверждение, которое было известно мне от сестрицы Нюры. Она сообщала ранее, что в Венгрии погиб братец Ваня, отдавший свою жизнь за дело чести и свободу русского народа.

Как второй брат я выражаю скорбь и соболезнование и прошу вечно чтить память погибшего брата. Это, Федя, большая утрата для нашей семьи. И повинен в этом кровожадный бандит Гитлер. Нам остается только мстить и мстить врагу до последней капли его крови, до полного уничтожения гитлеровских вояк. Так что убедительно прошу тебя, Федя, наберись мужества и не поддавайся унынию. Мы пока не одни, у нас есть сестры, которые разделяют и нашу скорбь, и нашу радость.

ВРАГ БОИТСЯ СИБИРЯКОВ

Здравствуйте, дорогие земляки! Шлю вам пламенный командирский привет. Вот уже год как я на фронте. За это время был два раза ранен, но за мои увечья враг заплатил дорогой ценой. На моем счету уже 58 истребленных немецких захватчиков. Все они ушли на тот свет. Они хотели нашей земли, и я дал каждому из них по полтора аршина.

Уверен, что и вы, мои земляки, находясь в глубоком тылу, тоже хорошо помогаете Родине, снабжаете хлебом Красную Армию, куете кадры для фронта, причем такие кадры, которые могут выдержать любые испытания.

Вы, наверное, слышали по радио или читали в газетах, как воюют сибиряки – смелые воины Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Враги боятся нас, сибиряков, пуще огня. Немцы говорят, что это железные люди, которым не страшны ни танки, ни свинцовый ливень пуль. Так что вы должны гордиться своими земляками. А чтобы мы еще крепче били вшивых гадов – сильнее помогайте фронту, уберите до последнего колоска выращенный урожай.

Я обещаю вам, дорогие земляки, что уничтожу ещё не один десяток паршивых фрицев. Славу сибиряков не уроню, буду драться до полной победы над фашизмом. Ваш земляк Михаил Степанович Донских.

НИКОГДА НЕ ОТСТУПИМ

Эти слова принадлежат танкисту Костину Петру Григорьевичу – участнику Сталинградской битвы. Перед боем он написал жене: «Дорогая моя Галинка! Хлопцы запели песню «Ой ты, Галю», а у меня сердце облилось кровью, будто про тебя поют. Сегодня снова идем в бой. Опять будет смешано всё: снег, дым, свинец и кровь. Но мы уже никогда не отступим. Береги сына».

Из этого боя танкист Костин не вернулся.

БЕРЕГИ ЭТО ПИСЬМО ДЛЯ НАШИХ ДЕТЕЙ

Здравствуйтесь, дорогие сыночки Гриша и Толя! Передаю вам свой фронтовой красноармейский привет и желаю вам самого наилучшего в вашем детстве, а вашей маме, чтобы она всегда была в здравии и хорошем настроении.

Гриша и Толя, маму надо жалеть и слушаться. Я, сыночки, рос без мамы, и жилось мне очень плохо, так что берегите маму. А ещё, сыночки, будьте преданными своей Родине и нашему правительству...

Сообщаю, что в данное время я жив и здоров. Хотелось бы знать, насколько вы уже подросли. Никогда не обижайте друг друга. Мальчиков и девочек надо всегда любить, тогда и вас будут ценить. А ещё надо всегда учиться, преодолевать все трудности, как ваш папа. Было время, я жил на 300 граммов хлеба в сутки, но не падал духом. Будьте и вы всегда выносливыми и не бойтесь трудностей.

Больше писать нечего. Поцелуйте за меня маму, тетю, бабушку и бабушку.

Паша, береги это письмо для наших детей, а когда соберемся вместе, почитаем его, а я расскажу тогда вам и о том, чего не мог передать на бумаге. Писал 28 июля 1941 года в 23.30.

От автора. Через месяц, 26 августа, рядовой 128 сд Парфенов Антон Иванович, 1916 г.р., призванный в ряды Красной Армии в 1940 году, пропал без вести.

«РУССКИЙ СОЛДАТ СМЕРТИ НЕ БОИТСЯ»

13.06.1944 г. Здравствуйтесь, дорогие родители, братья и сестры! С комсомольско-фронтовым приветом к вам С.Фидченко. Во первых строках сообщая, что жив и здоров. Правда, смерть угрожает каждую минуту, но русский человек смерти не

боятся, он знает, что воюет за честь, свободу и независимость своей любимой Родины... Зарывшись в землю, русский солдат уничтожает живую силу и технику немецких «завоевателей всего мира». Только эта война дается им слишком дорогой ценой и будет помниться столетия. Хотя мы уже и далеко от советских границ, но останавливаться на полпути нельзя. Наш лозунг: «Добить смертельно раненного зверя в его собственной берлоге!».

Сила русского солдата растет. Он знает, что на большие дела его ведут такие умелые полководцы, как Жуков, Рокоссовский и другие. Взяв в руки оружие, каждый боец убежден, что он защищает свою жену, брата, сестру, отца, мать или любимую девушку, которые в тылу делают всё для того, чтобы он скорее покончил с ненавистным немцем. Русский солдат никогда не унывает. Надо мной летают вражеские снаряды, мины, гранаты, свистят пули, а я напеваю свою любимую песенку «Катюша». И не только я, её поют многие, потому что «Катюша» – самая уважаемая солдатская песня.

Я знаю, что немец найдет себе смерть быстрее, чем он пошлет её русскому солдату. Наш брат умеет воевать, он знает, что сражается за свое Отечество, за спокойную жизнь своих родных и знакомых, за счастливую жизнь молодых поколений (хотя и я ведь не старый, мне всего 20 лет и тоже мечтаю пожить после этой войны счастливой жизнью).

Население этой страны принимает советских бойцов с радостью и материнской любовью, хотя местным людям немцы рисовали нас чертями с рогами и хвостами, с лошадиной головой. Но это у их Гитлера свиное рыло. От наших точных ударов оно всё в синяках и шишках.

Ну вот и всё. Остаюсь сидеть под градом немецких пуль в вырытом для себя земляном укрытии. До свидания. Ваш сын и брат Семен Фидченко. Моя полевая почта №03799-Л.

ПРИВЕТ ИЗ БЕРЛИНА

Я нахожусь сейчас в Германии, в 10-15 километрах от Берлина. Делаем его осаду. Работаю радистом средней артиллерии.

Германия – страна, развитая как в промышленном секторе, так и в сельскохозяйственном. В какой дом ни зайдешь – всякой утвари, как говорят, по самое горло. Мебель, находящаяся в доме, того и гляди разопрет его. И всего ей, этой Германии, хватало. А она все-таки поработила почти все европейские страны и напала из-за угла, как бешеная собака, на Советский Союз. Ей нужно было жизненное пространство, ну она и получила его. Получила так, что впредь отпадет охота навсегда.

Калагин Кузьма.

ПИСЬМА ГЕРОЯ

Среди публикуемых материалов особое место занимает эпистолярное наследие Героя Советского Союза, командира танковой бригады, гвардии полковника Позолотина Тимофея Семеновича. Оно включает в себя десятки писем. Их смело можно назвать публицистикой большой ударной силы.

Тому, что известны они теперь и нам, мы обязаны Галине Гавриловне – жене Героя. Но прежде чем выслать часть писем, она писала из Москвы: «Дорогие товарищи! Фронтовые письма Тимофея Семеновича лежат у меня. Двадцать с лишним лет я не могла к ним прикоснуться – так больно было перечитывать их мне. Но теперь поняла, что они принадлежат не только мне. Эти письма могут научить многому и других».

Остальную часть писем Галина Гавриловна передала мне десять лет спустя в 1975 году, когда я гостил у неё и матери нашего земляка Евгения Урбанского – Полины Филлиповны.

«ТВОЙ ТИМОФЕЙ ВОЮЕТ НЕПЛОХО»
(из переписки с женой Галиной Гавриловной)

Без даты. Сегодня написал тебе открытку, а сейчас получил возможность поговорить с тобой. Ведь давно я не писал тебе, родная, но ты не будешь обижаться, если узнаешь, что были горячие бои и на письма не было времени.

Сейчас вышли на отдых. Передохнут люди, и опять пойдем давить проклятых немцев. Знай, родная, что в Москву не ступит немецкая нога. Очень крепко мы будем защищать её. До последнего дыхания, до последнего патрона будет драться защитник столицы, в том числе и я со своей частью, но в столицу их не пустим.

Чувствую себя хорошо. Голова немного подергивается после контузии, но это сейчас не так важно. Руководить боем я могу, сам бить врага тоже могу.

Немцы сейчас бросают всё, что они имеют, чтобы до наступления холодов добраться до Москвы, но их желания разбиваются о крепость нашей обороны. На нашем направлении мы охладили их наступательный пыл, и сейчас они мечутся в горячке, чтобы найти обход, но безуспешно. Наша авиация громит их в каждом кусте, наши танки приводят в ужас опьяненных забияк...

Фронт. 29.10.1941 г. Все бои проходили хорошо. Часть моя дралась замечательно. Да и не могло быть иначе. Ведь мы – советские танкисты. Обещание, данное тебе, я выполнил, много уничтожил кровожадных фашистов, давил их и гусеницами, и огнем...

От автора. О достоверности слов нашего славного земляка говорит сообщение специального корреспондента центральной газеты «Известия» за 31 октября 1941 года. Он писал: «На малоярославецком направлении успешно действует танковый батальон капитана Позолотина. Командиры и бойцы тов. Позолотина наносят сильные удары врагу, уничтожая его технику и живую силу. Только за две недели уничтожено 22 вражеских танка. Во время контратак против немцев отважные танкисты подавили огнем и гусеницами 45 противотанковых орудий и минометов, разбили 17 автомобилей и мотоциклов.

Сам капитан Позолотин на своей машине вывел из строя четыре фашистских танка, комиссар Гедзюк уничтожил три танка и два противотанковых орудия».

25.12.1941 г. С Новым годом, мои родные! Нет слов, милый Галчонок, что-бы выразить ту радость, которая охватила меня, когда принесли твои письма и

открытку... Ты называешь меня капитаном, но ведь я уже майор и награжден орденом Красного Знамени. Это тебе ведь тоже должно быть приятно. Мой комиссар тоже награжден. Вот видишь, значит, тебе не придется краснеть за меня. Я держу свое слово, данное тебе и всему народу, за кровь, пролитую моими товарищами, за смерть Ольги (дочери – авт.), за твои мучения и издевательства над советскими гражданами я беру только кровь, только паршивые душонки этих вшивых свиней.

Помнишь, я говорил тебе, что под Москвой они найдут себе могилу? Так и получилось. Вот уже сколько дней мы гоним этих «храбрых вояк» и поливаем арийской кровью наши поля. Бегут, сволочи, бросая всё на своем пути, устилая дорогу трупами. На днях был взят Волоколамск. Это я вместе с другими выгнал отсюда гадов и освободил город...

Ты говоришь, чтобы я был беспощаден к врагам. Хорошо, мой друг, буду таким, каким ты знаешь меня, буду гнать врага, уничтожать его, не щадя ни единой сволочи, не жалея сил и даже жизни, если её нужно будет отдать за Родину.

Хочется знать, где воюют братья и как они воюют. Я верю, что и за них мне не придется краснеть. Ведь они же Позолотины, а мы никогда не были трусами и предателями. (Старший брат Позолотин Михаил Семенович пропал без вести 29 августа 1942 года – авт.)

24.02.1942 г. О зазнайстве ты, конечно, шутя написала. Ты знаешь, что я ничем и никогда не кичился и что это не в моей натуре. Помнишь, когда ехал из Сталинграда, ты спрашивала меня, справлюсь ли я со своей задачей в боях? Я сказал, что справлюсь. И вот теперь, когда партия приказала на время выключиться из боев и поехать на месяц на учебу (на ускоренные курсы при Академии механизации и моторизации – авт.), тоже говорю: справлюсь и с учебой, и с задачами, которые будут возложены на меня после учебы. Раз это приказ партии, значит, нельзя гадать, а только лучше его выполнять. После курсов буду заместителем такого командира, каким был Болотников в Минске. Что, тебе даже не хочется верить? Ничего, дружок, справлюсь. Честное слово, справлюсь.

9.05.1942 г. 8 мая прибыл в Москву, получил назначение заместителем командира бригады и еду 11-го туда, куда я привез тебя из Пугачева. Буду в 40 километрах от этого места дней 15-20.

Кстати, ты пишешь о моем росте и твоей доли в этом. А разве я когда-нибудь отрицал это? Но только помнишь, как ты ругала меня, что я мало бываю дома, что мне больше всех надо и т.п.? Вот видишь, как ты была не права и как я правильно определил: чем тяжелее в учебе, тем легче в бою. Всё то, что я делал тогда, сейчас облегчает мою работу. Но, оказывается, нужно было ещё больше учиться. Откровенно тебе говорю, мой дружок, что тяжело мне сейчас. Много сил трачу, чтобы в боях оправдать такое высокое доверие и чтобы в жизни мне никогда не сказали, что я не справился...

Я тоже хочу видеть тебя, но это будет тогда, когда вся страна, весь наш народ узнает, что наша земля очищена от немецкой сволочи. Тогда встреча будет в тысячу раз приятнее. А то, что встреча состоится, я верю. Ты не будешь несчастна. А уж если и случится что-нибудь, то это тоже должно быть твоей гордостью. Во всяком случае, будешь вдовой героя, но не женой труса. Знай, что свою жизнь

я дешево не отдам. Моя смерть в бою обеспечит жизнь свободную, счастливую сотням наших людей, нашим детям, тебе.

25.10.1942 г. Сегодня получил твоё письмо от 5.10.42 г. Знай, родная моя, что нет никого другого у меня дороже, милее и роднее, чем ты, друг мой. О какой хорошей жизни в госпитале ты пишешь? Я понять не могу. Неужели тебе кажется, что мне приятно лежать с ранами, которые уносят моё здоровье? А их у меня уже очень много. Правая сторона груди (гимнастерки) у меня сейчас украшена четырьмя нашивками – это четыре серьезных ранения, а тело мое украшено множеством других ран – их одиннадцать. По-твоему, это роскошно, да?

...Сейчас готовлюсь к новым ожесточенным боям. Несколько дней тому назад присвоили мне звание «подполковник». Эту честь я обещаю оправдать. Драться буду ещё лучше, ещё ожесточеннее буду бить озверелых, проклятых фрицев, но жизнь свою отдам только тогда, когда за неё будут уничтожены тысячи фашистских голов.

6.12.1942 г. Действующая армия. Фрицев колотим по-гвардейски, и близок день, когда наша земля облегченно вздохнет. Бойцы и командиры наши дерутся замечательно, жестоко бьют врага и честь русской гвардии оправдывают.

30.12.1942 г. Здравствуй, мои родные! Поздравляю вас с Новым годом! Этот день я встречаю в боях. Лупим немцев отлично, значит, слово своё я сдержал, а в подтверждение этого высылаю вам вырезки из газет, хотя вы, видимо, уже читали их.

От автора. Вот что писала газета «Правда» в передовой статье «Уменьше побеждать» за 27 декабря 1942 года: «В нынешних боях вновь взметнулась слава командиров Красной Армии, умело и мужественно руководящих подчиненными им частями.

В жарких наступательных боях декабря прославились имена генерал-лейтенанта танковых войск тов. Баданова и подполковника Позолотина. Оба они являются опытными командирами, с первых дней войны скрестивших свое оружие с немецко-фашистскими захватчиками. Они научились распознавать тактику противника. Нашупывать его слабые места, умеют навязать врагу свою волю, объединить своих бойцов в могучую силу, способную прошибить любое сопротивление врага.

Большой боевой путь прошел... подполковник Т.С.Позолотин. Он был командиром танкового батальона, затем заместителем командира танковой бригады. Когда командир бригады выбыл из строя, тов. Позолотин занял его место и продолжил энергично руководить боевой операцией. Будучи сам ранен, он оставался в строю, управлял боем. Требовательный, знающий, волевой командир блестяще провел операцию по разгрому крупных сил противника».

8.01.1943 г. Дорогой дружок! Теперь ты, наверное, знаешь об Указе Президиума. Почитай газету «Правда» за 27 декабря. Прочитай и передовую в этой газете, там ты узнаешь, что я сдержал своё слово, данное тебе, и жестоко отомстил за Олю, за стариков, за брата.

Десять с лишним тысяч немцев положили свои головы под гусеницами наших танков. Даже дорогу, по которой прошла моя часть (17-й отдельный гвардейский танковый полк – авт.), называют теперь «позолотинским трактом». Даже пленные, захваченные позже, говорили, что от боя с танками «головореза» Позолотина уклоняются. Но к их великому сожалению этого не получается, потому что я ищущих их и заставляю принять бой.

Правду скажу, мой дружок, никогда не думал быть Героем. И дело, которое я делал, казалось обычной моей работой, а получилось, что уж больно много шума. Что ж, ещё раз даю тебе слово, что честь эту я оправдаю и в предстоящих боях ещё сильнее и ещё хитрее буду бить врага.

От автора. О правоте слов нашего земляка говорит такой факт: чтобы избежать крупных потерь, противник вынужден был оповещать своих танкистов, посылая в эфир предупреждение: «Ахтунг! Ахтунг! Впереди танки Позолотина». И те всячески старались уклониться от боя, который навязывал им командир, воинский талант которого признавал даже неприятель.

14.01.1943 г. Сегодня получил твоё письмо и от мамы. Нельзя меня хоронить раньше времени. Я должен и буду жить даже тогда, когда оторвут мою голову. Я спокоен тем, что ты, наверное, уже прочла газету «Правда» за 27 декабря 1942 года, где есть Указ о присвоении мне звания Героя Советского Союза, а часть моя награждена орденом Красного Знамени. Вот видишь, родная, я выполняю твоё желание и до сих пор луплю немцев с величайшим ожесточением. Я говорил тебе, что там, где пройдет моя часть, ни единого немца в живых не останется. Так я и делаю. В той же газете прочти передовую «Уменьше побеждать», и ты поймешь, что напряженные годы моей учебы не прошли даром. Я хотел бы, чтобы в Явленку сообщили об этом. Я писал раньше письмо землякам и вот теперь выполнил своё обязательство. Пусть сообщат и они, как выполняют своё обязательство.

Без даты. Товарищ! Если вражеская пуля прекратит мое сопротивление проклятому врагу человечества, передай моей семье, что за их мучения, за смерть дочери, за муки нашего народа и за поруганные участки нашей земли я истребил много гитлеровских бандитов, бил их с величайшим удовлетворением, но очень буду жалеть, если случится, что не смогу вместе с вами принять участие в окончательном уничтожении головорезов. Я уверен, что моя семья не будет обижена, а сына комсомол и партия воспитают в духе, в каком воспитали меня. Выполните мою просьбу. Т.Позолотин.

Из письма брату Фёдору Семеновичу

Дорогой брат! Я знаю, твой характер вспыльчив. Прошу тебя в боях не горячиться, быть волевым, стойким. Напрасно свою жизнь не отдавай.

Из ответа Фёдора Семеновича

Дорогой брат! Хоть ты майор, а я лейтенант, но старший брат. Поэтому вот что отвечу по поводу твоего напоминания, чтобы я не горячился: яйца курицу не учат.

Из переписки с матерью

«Сейчас лежу в госпитале... Но скоро опять на фронт, потому что самое главное теперь – это бить врага. А лечиться и отдыхать будем после войны, после нашей победы. Ты не тревожься за меня, мама. Война всех метит: шрамом военных, морщиной – гражданских».

«Дорогой сынок Тимоша. Хоть бы ты приехал на денек навестить нас. Я соскучилась. Ведь люди-то военные приезжают из госпиталя на побывку. А почему же ты не отпросишься?»

«Сейчас не время разъезжать по отпускам, мама. Ты уж прости меня. Ну вот представь себе: я приеду домой, обязательно будет застолье, выпивка, песни. А в это время мои товарищи в боях будут свою кровь проливать. Это нехорошо, мама. Ты уж потерпи немного. Вот закончится война, победим врага, тогда приедем все домой к тебе, расскажем обо всем, погуляем, отдохнем...»

От автора. К сожалению, Тимофей Семенович Позолотин погиб 9 сентября 1943 г. у местечка Бабанское, на Полтавщине. Гроб с телом комбрига был доставлен самолетом в Москву. Похоронен наш земляк на Новодевичьем кладбище.

МОЙ АДРЕС: ПОЛЕВАЯ ПОЧТА № 24444

Таким был адрес в годы войны Супрунюка Федора Тимофеевича, письма которого приводятся ниже.

20 декабря 1941 г. Вы пишете, что в Казахстане стоят сильные морозы. Здесь, под Москвой, тоже начались холода. Только фрицам «жарко». Теперь всем ясно, что настает час полного уничтожения этих бандитов. Под Волоколамском им здорово досталось от нашей бригады.

2 февраля 1943 г. Рад сообщить, что Сталинград освобожден и врагам больше никогда не топтать волжской земли. Сегодня ходили на Волгу, где возник стихийный митинг. Целовал лед на Волге, писали на льду и на снегу клятву сталинградцев – добить врага. Держались сволочи здорово. А потом начали сдаваться: «Гитлер капут!» и руки вверх. Насмотрелись за эти дни на белые флаги. 330 тысяч отборных головорезов уничтожены или взяты в плен... Только что получил письмо из Петропавловска от 4 января. Почта, видимо, долго нас искала, потому что мы всё время шли вперед.

23 сентября 1943 г. Дела идут у нас здорово. Продвигаемся вперед по 25-30 километров в день. Скоро родная Белоруссия. Нет слов описать, что происходит в освобожденных селах: целуют, плачут, угощают всем, что есть. Очень много разрушений. Заводы, вокзалы, мосты – всё взорвано. В одном небольшом селе я составил акт о зверствах фашистов. Здесь немцы расстреляли 24 мирных жителя. В том числе и детей, а 14 сожгли. Сожгли всё село, весь урожай, истребили весь скот.

24 января 1945 г. Всё дальше и дальше от вас гоним и уничтожаем немецких захватчиков. Скоро они получают все цветки и ягодки, когда над Берлином будет Знамя Победы. Сшили мне новый, «гвардии майорский» китель, но он отстал на 20 км, обещали ребята привезти. Поляки встречают нас хорошо. Угощают, чем могут. Но чаще бывает, что нечем. «Вшиско герман забрал», – говорят они.

12 февраля 1945 г. Пишу на даче какой-то фрау, которая бежала куда-то дальше. Да, настал для немцев наш черный 1941-й год. Теперь они за всё заплатят сполна. Мы не трогаем стариков, женщин и детей, но фашистским бандитам нет пощады. Здесь хорошие дороги, и фрицы бегут по ним быстро. Но наши танки быстрее, да и мы, пехота, не отстаем.

14 марта 1945 г. 10 марта я награжден орденом Отечественной войны I степени. Так что теперь у меня три ордена (до победного мая Ф.Т.Супрунюк был награжден еще одним орденом – Красной Звезды, а после войны – орденом Ленина – авт.) Посылаю одну из трех полученных сегодня благодарностей т. Сталина.

6 мая 1945 г. Когда вы получите это письмо, то уже всё закончится, доконаем немчуру. Иногда на соплях, но гады держатся, сопротивляются. Берлин уже наш. Думал ли я, житель Северного Казахстана, что пройду как солдат по Берлину? Думал ли, что буду на Одере и Эльбе, когда шли от Волги? Конечно, нет. Сотни самолетов, танков, пушек врага видел я в эти дни. Эти трофеи – труд наших соколов, артиллеристов, танкистов. А ведь среди вражеской техники много не немецкой – гад грабил всю Европу, но подавился Россией. Ничего не забудем, ничего не упустим, всё сочтем.

9 мая 1945 г. Здравствуйте все! Поздравляю вас с Великим Праздником Победы! Настал долгожданный день, и до сих пор не верится, что жив. Как радостно переполнено сердце, как свободно вдохнули все, кто добывал на фронте и в тылу Победу. Наш командующий маршал Жуков войдет в историю как гениальный полководец.

Что ещё сказать? Хочется очень многое, но только не на бумаге. Скоро встретимся и наговоримся досыта. Как-то странно тихо стало. Прекратилась стрельба, машины, танки, самоходки стоят чистенькие, грозные, готовые к бою. Но боя нет. И больше не будет.

Целую крепко-крепко всех. Ваш муж, отец, воин и победитель Федор Супрунюк.

